
ПЕРЕВОД: ПРОБЛЕМА ЛИНГВОЭТНИЧЕСКОГО БАРЬЕРА

Д.А. Гусаров¹, Н.С. Гусарова¹, А.Л. Семёнов²

¹Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России
проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Текст рассматривается как синтаксическая конструкция, представляющая универсальную среду для смысла и этнокультурной информации. В процессе перевода «лингвоэтнический барьер» является фильтром, преобразующим факты нелингвистического знания в presupпозиции переводчика.

Ключевые слова: коммуникативный процесс, смысл, прагматика, presupпозиция.

Опосредованное межъязыковое общение — общение разноязычных собеседников через переводчика — представляет собой совершенно особый случай коммуникации, при котором сложившаяся коммуникативная ситуация (условия общения) не требует от коммуникантов предположения о фактическом наличии коммуникативно релевантных знаний друг у друга, поскольку эту функцию берет на себя третий участник общения — межъязыковой посредник, переводчик. Иными словами, ни один из коммуникантов не принимает во внимание того факта, что его собеседник — представитель, или носитель, другой культуры. Переводческую ситуацию — общение разноязычных коммуникантов через переводчика — мы рассматриваем именно как опосредованную коммуникацию. Называя этот случай общения опосредованным, мы подчеркиваем тем самым его отличие от обычного одноязычного общения, когда переводчик, или языковой посредник, не нужен и общение является непосредственным, происходящим напрямую между двумя участниками. Опосредованность такого общения проявляется в том, что конечному получателю для интерпретации предъявляется не исходное высказывание, а переводное, т.е. происходит замена исходного средства передачи сообщения на альтернативное, обладающее несколько иными коммуникативными характеристиками.

Дальнейшее рассуждение требует пояснения того, что именно мы понимаем под термином «культура» за пределами общепринятого философского понимания этого явления [5. С. 6]. Мы рассматриваем культуру как знания, на основе которых человек принимает решение о созидании — деятельности по созданию чего-либо. Созидательная деятельность и ее результат есть, таким образом, внешнее проявление культуры. Внутренней стороной являются знания индивида, позволяющие ему прогнозировать реакцию членов социума на свою созидательную деятельность и ее продукт.

В широком смысле созидательная деятельность включает в себя осознанное поведение индивида, в том числе его речемыслительное поведение, в коммуникации — общение, предполагающее «разделенные» знания и прогнозирование

реакций. На этой основе мы исходим еще из объективной реальности, в которой «мышление и знание вообще неотделимы друг от друга» [6. С. 53]. В своем исследовании мы вынуждены учитывать философские проблемы соотношения языка и этнокультуры. Лингвистическая семантика как форма знания отражает лингвистическую семантику объективной реальности. Мы исходим из доказанного Н.А. Слюсаревой основополагающего аргумента: «задача — каким образом значение манифестирует содержание (смысл) — лишь частично является лингвистической, а задача — каким образом язык выступает в качестве средства накопления и передачи знания — отходит целиком к области семантики отражения и не является собственно лингвистической» [7. С. 15].

Следовательно, вопрос о месте и роли культуры в коммуникации, о ее позитивном или негативном влиянии на процесс и результат общения — это прежде всего вопрос о наличии или отсутствии у собеседников знаний, необходимых для выполнения коммуникативных действий: создание (созидание) речевого произведения и его интерпретация.

Деятельность по созданию речевых произведений предполагает не только наличие у собеседников коммуникативно релевантных знаний, но и их общность, достигаемую благодаря личностному и социальному становлению коммуникантов (получение таких знаний) в одной и той же лингвосоциальной общности, т.е. благодаря тому, что общающиеся индивиды — носители одной и той же культуры. Следовательно, барьеры, возводимые культурой в коммуникации, — это барьеры, возникающие вследствие несовпадения коммуникативно релевантных знаний участников общения.

Вербальное общение мы рассматриваем как опосредованный обмен образами сознания. Такой подход представляется вполне логичным, если исходить из очевидного факта, что непосредственный обмен образами (чтение мыслей) невозможен в принципе. Отражение действительности в сознании происходит в форме актов мысли: они непрерывны, неделимы и сами по себе несообщаемы. Для существования за пределами сознания мысли нуждаются в объективации, в осязаемой форме существования. Возможности для объективации мысли предоставляет языковая система. Однако многогранность образа сознания во много раз превосходит семантический объем языковых знаков, поэтому для генерации сообщения (ядра будущего высказывания) поток сознания должен быть остановлен и сегментирован, поскольку вся полнота образа избыточна для сообщения. Сегментированный образ позволяет использовать знаки системы: сегменты становятся объектами референции, а знаки — ее средством. Собеседник, получив высказывание, на основе названных сегментов образа способен восстановить всю его полноту.

Природу общения мы понимаем как опосредованный обмен образами сознания, нацеленный на достижение определенной реакции собеседника. Средством такого обмена являются знаки языковой системы, его продуктом — речевые произведения.

Опосредованный обмен образами сознания мы представляем себе как выражение, или презентацию, языковыми средствами некоего знания, которое нужно, по замыслу говорящего, сообщить собеседнику для вызова ожидаемой реакции.

Исходя из этого, перевод можно рассматривать как перевыражение, или репрезентацию, сообщаемого знания. Источник необходимости такой реперзентации очевиден: представители разных культур используют для сообщения собеседнику нового знания разный набор известных знаний. В данном случае работает принцип: восприятие нового возможно на основе чего-то старого, известного. Барьер, возникающий между разноязычными коммуникантами при опосредованном общении, который мы вслед за Л.К. Латышевым [2] называем лингвоэтническим, как раз и возникает из-за того, что сообщать и воспринимать новые знания такие коммуниканты готовы на основе в той или иной степени разных «старых», известных знаний.

Интерпретируя лингвоэтнический барьер как расхождения лингвоэтнических коммуникативных ситуация носителей ИЯ и носителей ПЯ [3. С.16], Л.К. Латышев причисляет к нему совокупность «таких факторов, как расхождение систем ИЯ и ПЯ; норм ИЯ и ПЯ; узусов, действующих в коллективах носителей ИЯ и носителей ПЯ; расхождение коммуникативно релевантных преинформационных запасов у носителей ИЯ и носителей ПЯ» [3. С. 27—28]. Нам, как мы уже упоминали ранее [1; 4], лингвоэтнический барьер представляется не как барьер между участниками опосредованной межъязыковой коммуникации, а как расхождение преинформационных запасов носителей ИЯ и носителей ПЯ — научная абстракция, теоретическая условность, представляющая собой свойство, которое в условиях общения через переводчика приобретает высказывание на ИЯ. При извлечении высказывания из условий опосредования, то есть рассмотрении за его рамками, это свойство утрачивается. В пользу того, что лингвоэтнический барьер есть свойство исходного высказывания в переводческой ситуации, а не коммуникантов или нечто, стоящее между ними, говорит тот факт, что разноязычные участники общения (даже если не владеют общим языком) могут общаться между собой, создавая коммуникативные произведения с использованием альтернативных средств общения (интернациональные слова, жесты, знаки, мимика и т.д.), т.е. могут избежать той ситуации, при которой коммуникативные произведения приобретают свойство лингвоэтнического барьера и возникает необходимость в переводчике. Но возможности такого общения весьма ограничены, поэтому социальный заказ на перевод — это прежде всего заказ на комфортное общение, при котором коммуникантам ненужно «делать поправку» на интерпретационные возможности представителя другой лингвокультуры.

А раз нет необходимости, то нет и самого действия: коммуниканты выражают знания привычным для них способом, как если бы они общались с собеседником из своего лингвокультурного сообщества. Именно поэтому лингвоэтнический барьер является перманентным и существенным свойством подлежащего переводу высказывания: его возникновение при опосредованной межъязыковой коммуникации неизбежно.

Главную роль при возникновении лингвоэтнического барьера и степени его проявления играют различия в коммуникативных практиках представителей разных лингвоэтнических общностей. Эти различия могут быть сведены к следу-

ющим явлениям. Во-первых, используемые для построения высказывания знаки языковой системы могут отличаться по своему семантическому объему от знаков языковой системы, известной иноязычному получателю. Во-вторых, представленный в высказывании способ обобщения нового знания в знании известном (зашифрованная в высказывании логическая операция) может не совпадать с тем способом, который обычно выбирают при построении высказывания, описывающего ту же ситуацию действительности, носители другой лингвокультуры. Наконец, сама база для обобщения, т.е. известное знание, к которому обращено высказывание, будет в той или иной степени не совпадать у разноязычных коммуникантов. Поскольку указанные аспекты лингвоэтнического барьера являются неотъемлемой характеристикой высказывания при опосредованной межъязычной коммуникации, можно сказать, что само исходное высказывание, а именно его поверхностная (языковые средства) и глубинная (способ обобщения, обращенность к знаниям) структура и есть лингвоэтнический барьер: оно не может быть интерпретировано получателем непосредственно и, следовательно, не может быть средством сообщения сведений, становясь своеобразной «стеной», а не проводником между сознаниями коммуникантов. Такой вывод кажется вполне логичным, если исходить из того, что барьер возникает между собеседниками не до и не после коммуникации, но именно в момент ее, и этот барьер не абстрактный, принадлежащий духовному миру, т.е. сознаниям коммуникантов, а вполне конкретный, воспринимаемый органами чувств. Из рассмотрения исходного высказывания в качестве лингвоэтнического барьера видно, как в нем интегрируются его лингвистическая и этнокультурная составляющие: перед воспринимающим стоит текстовая поверхность высказывания, за которую он должен проникнуть, интерпретировав использованные в речи знаки языковой системы; за этой поверхностью скрыт образ стереотипной известной ситуации, образованный объектами референции и отношениями между ними, в которой отправитель сообщения обобщил наблюдаемый/воображаемый отрезок действительности. Мы не усматриваем никакого противоречия в том, что образ сознания скрыт за текстовой поверхностью высказывания. Действительно, образы сознания могут принадлежать только сознаниям собеседников. Однако в момент коммуникации, когда высказывание уже создано и воспринято (часто эти процессы происходят одновременно), происходит некое сопряжение сознаний через высказывание, в результате чего индивидуальные образы сознания собеседников, глубинные и структурные поверхности высказывания можно рассматривать как неделимое единство, комплекс, разделение которого на элементы целесообразно только для теоретических уточнений. Продолжая попытки дифференциации образа сознания и внутренней стороны высказывания, можно сказать, что в высказывании содержится некий «слепок» образа сознания, добравшись до которого воспринимающий может построить свой образ, в идеале точно совпадающий с образом отправителя, а в реальности являющийся лишь производной от него с какой-то степенью соответствия.

В условиях обычной коммуникации опосредованный обмен образами сознания не представляет особых затруднений: воспринимающий знаком с «телом»

знаков и их семантикой, с возможностями референции в разных ситуациях общения, с типичной ситуацией, в которой обобщается сообщаемое. При опосредованной двуязычной коммуникации этого не происходит: знания, которые предполагает отправитель при создании высказывания, сильно отличаются от знаний, фактически присутствующих у воспринимающего, т.е. культурные различия настолько существенные, что интерпретация исходного высказывания невозможна, вследствие чего последнее становится лингвоэтническим барьером в коммуникации.

Но особенностью опосредованной двуязычной коммуникации, коренным образом отличающей ее от обычного одноязычного общения, является как раз то обстоятельство, что конечный получатель не должен, согласно общественному договору, преодолевать этот барьер самостоятельно. Иными словами, непосредственное одноязычное и опосредованное двуязычное общение отличаются друг от друга по предназначению исходного высказывания. Если в первой исходное высказывание — это «проводник» между сознаниями, то в последней оно, с одной стороны, лингвоэтнический барьер, недоступный для получателя и потому преодолеваемый переводчиком, а с другой — основа, из которой исходит переводчик при построении переводного высказывания.

Логично и следующее допущение: если лингвоэтнический барьер возникает из-за выражения знания привычным иноязычному отправителю путем, то сущность преодоления лингвоэтнического барьера может быть интерпретирована как перевыражение представленного в исходном высказывании знания переводчиком с учетом знаний конечного получателя. Отсюда становится понятной роль исходного высказывания как основы для создания перевода: лингвоэтнический барьер ставит перед переводчиком задачу не только в плане перевыражения знаний, он становится для него источником инвариативности и эквивалентности, то есть устанавливает рамки для объекта выражения и способа выражения, за которые не могут выходить действия по преодолению, а переводное высказывание благодаря этому становится не «коммуникативным произволом», а именно переводом.

Перевыражение знаний в переводе возможно только посредством создания нового высказывания, которое, во-первых, является производной от исходного в смысловом и содержательном плане, т.е. обладает свойством инвариантности и эквивалентности по отношению к нему, а во-вторых, не является в коммуникации лингвоэтническим барьером, но, напротив, обладает свойством лингвоэтнической адекватности по отношению к коммуникативному опыту иноязычного получателя перевода. Замена способа передачи сообщения приводит к тому, что вместо барьера в коммуникации между сознаниями снова появляется проводник: переводное высказывание сообщает то же, но таким способом, который может быть интерпретирован получателем перевода, поскольку выбран с учетом фактически имеющихся у него культурных знаний.

Такое соотношение высказываний в опосредованной коммуникации показывает, что они являются своеобразными антиподами, а следовательно, могут быть

объединены в парадигму. Мы совершенно отчетливо представляем себе возможность построения такой парадигмы, которую можно назвать переводческая лингвоэтническая парадигма. В эту парадигму на основе общности передаваемого сообщения следует включить ряд высказываний, одно из которых будет являться лингвоэтническим барьером (пусть даже потенциальным), а остальные — переводческие решения по преодолению этого барьера (также, возможно, потенциальные), т.е. высказывания, обладающие свойством лингвоэтнической адекватности при передаче исходного сообщения. Таким образом, в этой парадигме удалось бы объединить и противопоставить как переводческие прецеденты, так и переводческие потенциалы.

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть необходимость употребления термина «лингвоэтнический» в отношении барьера при опосредованной двуязычной коммуникации (исходного высказывания), свойства адекватности переводного высказывания и переводческой парадигме. Значительно чаще употребляющееся понятие «языковой барьер» не в полной мере проецируется на разноязычную коммуникативную ситуацию. Кроме отсутствия общего языка, для ситуации характерно расхождение национальных культур. И нам еще раз хотелось бы обратить внимание на приведенный выше аргумент Н.А. Слюсаревой [7]. Термином «лингвоэтнический барьер» мы хотим подчеркнуть двойной характер свойств высказывания-барьера и высказывания-проводника. Лингвистическая сторона проблемы связана с несовпадением (исходное высказывание) и совпадением (переводное высказывание) внешнего облика и семантики используемых для построения речевого произведения знаков со знаками языковой системы, которыми пользуется получатель. Этнокультурная сторона связана с несовпадением и совпадением способа сообщения знания с коммуникативной практикой конечного получателя: использование знаков системы для референции и обращение к известному знанию. Используя термин «лингвоэтнический», мы объединяем лингвистическую и этнокультурную стороны вопроса. Кроме того, данный термин позволяет дифференцировать рассматриваемую проблему от лингвокультурной проблематики. Переводчик призван устранить лишь тот барьер, который возникает вследствие принадлежности коммуникантов к разным лингвоэтническим группам. Нейтрализация лингвокультурных различий, которые могут возникнуть из-за принадлежности участников общения (в том числе и одноязычных) к разным социальным, возрастным, профессиональным и другим группам, не является функцией переводчика и привела бы к нарушению общественного предназначения перевода. Собственно, лингвоэтнический барьер не является препятствием в том смысле, которые превносит понятие «барьер». Это скорее некоторый фильтр — инструмент, который преобразует неязыковые (нелингвистические) знания в языковые presuppositions.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гусаров Д.А. Лингвоэтнический барьер и перевод как межкультурная коммуникация: Материалы Международной научной конференции «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». — Екатеринбург, 2008. — С. 124—128. [Gusarov D.A. Lingvoetnicheskij barer

- i perevod kak mezhkulturnaya kommunikaciya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Yazyk. Sistema. Lichnost: Lingvistika kreativa». — Ekaterinburg, 2008. — S. 124—128.]
- [2] *Латышев Л.К.* Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. — М., 1981. [*Latyshev L.K.* Kurs perevoda: Ekvivalentnost perevoda i sposoby ee dostizheniya. — М., 1981.]
- [3] *Латышев Л.К.* Проблема эквивалентности в переводе: Дисс. ... докт. филол. наук. — М., 1983. [*Latyshev L.K.* Problema ekvivalentnosti v perevode: Diss. ... dokt. filol. nauk. — М., 1983.]
- [4] *Латышев Л.К., Семёнов А.Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания. — М.: Академия, 2003. [*Latyshev L.K., Semenov A.L.* Perevod: teoriya, praktika i metodika преподаvaniya. — М.: Akademiya, 2003.]
- [5] *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. — М.: Языки русской культуры, 1998. [*Pelipenko A.A., Yakovenko I.G.* Kultura kak sistema. — М.: Yazyki russkoj kultury, 1998.]
- [6] *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его познания. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. [*Rubinshtejn S.L.* O myshlenii i putyax ego poznaniya. — М.: Izd-vo AN SSSR, 1958.]
- [7] *Слюсарева Н.А.* Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. — М.: Наука, 1975. [*Slyusareva N.A.* Teoriya F. de Sossyura v svete sovremennoj lingvistiki. — М.: Nauka, 1975.]

TRANSLATION: LINGUO-ETHNICAL BARRIER

D.A.Gusarov¹, N.S.Gusarova¹, A.L.Semenov²

¹Moscow State Institute (University) of International Relations,
Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO-University)
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

²Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The research establishes that the text as a syntactical construction functions as a universal medium for meaning and ethnical information. Then in the course of translation a “linguo-ethnic barrier” acts an instrument, which gathers different nonlinguistic facts as a translator’s complex of presupposition.

Key words: communication process, meaning, pragmatic purpose, presupposition.